

Сын этой женщины, старшеклассник Чэнь Ле, словно пытался отгородиться от неподъемного бремени учебы или просто не выдержал давления реальности. Несколько недель назад он заперся в своей комнате, наотрез отказавшись выходить к людям.

Когда близкие наконец почуяли неладное, парень уже с головой увяз в собственном сознании. Слишком долгая жизнь в грезах стирает грань между явью и иллюзией. Чтобы вытащить Чэнь Ле, матери пришлось искать помощи у специалистов и на свой страх и риск погружаться в его сферу снов.

Поначалу она блуждала по разрозненным осколкам сновидений, отыскивая сына и уводя его домой. Однако все уговоры разбивались о глухую стену: Чэнь Ле наотрез отказывался просыпаться, искренне веря, что его выдуманный мир и есть настоящая реальность.

В своих видениях юноша примерял чужие имена, выдумывал себе другой возраст, работу, заводил воображаемых друзей и строил совсем иную жизнь. Он свято верил в эти маски, тогда как настойчивое преследование матери и эта так называемая Улица Западная Кант, Шелли-роуд, 157, казались ему навязчивым кошмаром, мешающим дышать.

Однажды женщина почти преуспела. Пустив в ход все средства, какие могла вообразить, она наконец достучалась до Чэнь Ле и убедила его добровольно покинуть сферу снов, а следом за ним вернулась в реальный мир и сама.

Увы, явь встретила их безжалостно. Парень слишком долго пропадал в забытии, безнадежно отстал от школьной программы и больше не мог угнаться за одноклассниками.

Из-за рухнувшей успеваемости учитель прямо перед всем классом брезгливо выдернул у него из-под рук девственно чистый экзаменационный лист, бросив, что с такими мозгами ему самое место за партой в начальной школе. А из-за затяжной комы Чэнь Ле плохо слушалось собственное тело: он постоянно спотыкался, падал на ровном месте и быстро стал легкой мишенью для местных хулиганов, начавших вымогать у него деньги.

Чэнь Ле сбежал с уроков и отправился в парк аттракционов, где так любил бывать в детстве. Там он забился в дальний угол комнаты страха, укрывшись от глаз зрителей, и просидел там до тех пор, пока не ушел последний посетитель. Когда обезумевшие от тревоги родители отыскивали сына, тот уже успел повторно погрузиться в пучину снов.

Женщина сидела за столом, подавленная и изможденная.

— Проснись, сынок, — взмолилась она, глядя на Лин Су. — Пойдем с мамой домой. Ты ведь и сам уже понял, что все это лишь сон?

Лин Су выразительно коснулся пальцем своей щеки:

— Простите за бестактность, но ваш сын... разве он тоже настолько неотразим?

— Эту уловку ты тоже пускаешь в ход не впервой, — со вздохом покачала головой собеседница.
— В грезах ведь можно нарисовать себе любое лицо. Но разве материнское сердце обманешь? Разве я могу тебя не узнать?

Лин Су не стал спорить. Он откинулся на спинку стула и задумчиво постучал пальцами по столешнице. До сих пор её история выглядела пугающе стройной и логичной.

Лин Су очнулся в гробу посреди комнаты страха — значит, велика вероятность, что при содействии Кокона его сознание временно заняло место юного Чэнь Ле. Чжуан Де же, проникший сюда без четкого статуса, исключительно за счет перепада давления снов, все это время оставался посторонним наблюдателем и то и дело приводил в действие механизмы самоочищения чужого разума.

С точки зрения затравленного Чэнь Ле, чья реальность напоминала глухую серую стену, такие безумные выходки, как дикая гонка на американских горках, демонстративная сдача пустых экзаменационных листов и «дружеская» стрижка хулигана бензопилой, выглядели вопиющей наглостью. От подобных раздражителей измученный разум стремился избавиться в первую очередь.

Изначально сфера снов мальчика ограничивалась лишь третьим фрагментом. Там, на улочках тихого городка, он надеялся укрыться навсегда — в месте, где его никто и никогда не побеспокоит.

Но то промежуточное пробуждение окончательно сокрушило и без того надорванную психику. Под воздействием жестокого шока его подсознание лихорадочно породило еще два кошмара — парк аттракционов и школьный класс. Удерживать столь хрупкую, раздробленную структуру в равновесии разум уже не мог.

— Что ж, складно излагаете... — негромко пробормотал Лин Су. Он поднялся и не торопясь подошел к висящему на стене семейному портрету.

Пока длился этот разговор, Чжуан Де успел по-хозяйски обойти весь дом.

На застекленном снимке застыло семейство из трех человек. Чэнь Ле сидел между отцом и матерью, чуть опустив голову и упрямо косясь в сторону от объектива. Типичный невидимка, из тех, кого учителя не замечают на уроках: невзрачное лицо, хрупкие плечи, угрюмый, диковатый для его лет взгляд из-под массивной тяжелой оправы.

— Уважаемая, — внезапно нарушил молчание Лин Су. — Позвольте уточнить одну деталь. Вы

ведь действительно не ведаете, чем чревато пробуждение в чужой сфере снов?

Женщина опешила и, запнувшись, выдавила:

— Власти... власти никогда не раскрывали этих сведений...

— Мне известно, что официальные источники молчат, — перебил ее Лин Су. — Но вы — вы-то сами этого не знали, верно?

Бросив эту фразу, он плавно развернулся, и его холодный, изучающий взгляд уперся прямо в собеседницу.

Она оцепенела. Женщина попыталась что-то сказать, но под этим тяжелым взором слова застряли у нее в горле.

— Пожалуй, я расскажу вам одну историю, — вкрадчиво произнес Лин Су. — В тысяча девятьсот сорок девятом году Нобелевскую премию по медицине вручили человеку по имени Эгаш Мониш. Наградили его за изобретение одной весьма любопытной операции. Со временем процедуру упростили до предела. На все про все уходило от силы десять минут, никакой ассистент не требовался, а проводить ее можно было буквально на коленке, в любых условиях. После нее буйные пациенты становились тихими, послушными, разве что капельку вялыми и чудаковатыми. Но согласитесь, это ведь такая мелочь ради общего спокойствия. Научное название этой пытки — трансорбитальная лоботомия, в народе известная как метод ледяного шила. Ее с восторгом применяли ко всем, кто отказывался подчиняться правилам... — Лин Су изящно крутанул между пальцами хирургический скальпель и выдержал короткую паузу, прежде чем закончить: — К любому неугодному человеку.

— К чему вы клоните?! — сорвалась на крик женщина.

— Да так, обычные сомнения, — мягко улыбнулся Лин Су. — Коли я ошибся, не принимайте близко к сердцу.

— Это варварство давно под запретом! Вы что, обвиняете меня в истязании ребенка?

На ее лице проступил гнев. Поднявшись из-за стола, она ледяным тоном отчеканила:

— Я бы никогда не причинила вреда собственному сыну...

Лин Су хмыкнул, словно услышал уморительную шутку:

— Полноте... Но разве я сейчас — не ваш сын?

Женщина мгновенно осеклась.

Она уставилась на Лин Су. Напускная печаль, усталость и родительская скорбь начали стремительно сходиться с её лица, обнажая зловещую, враждебную холодность.

Поддавшись на тонкую провокацию Лин Су, она допустила фатальную оговорку. Случись настоящей матери услышать подобное чудовищное обвинение от собственного ребенка, её первой реакцией — даже сквозь ярость — было бы отчаянное: «Я никогда не причинила бы вреда тебе». Дело даже не в силе материнского инстинкта, а в банальной психологии общения: в моменты наивысшего эмоционального накала человек интуитивно обращается к собеседнику напрямую, используя личные местоимения.

Но эта оговорка пролила свет и на кое-что куда более циничное.

— Похоже, вы прекрасно осведомлены о том, к чему приводит пробуждение в чужом сознании, — вкрадчиво и неспешно произнес Лин Су. — Иначе упоминание метода ледяного шила не вызвало бы у вас такой бурной реакции.

Ведь если человек открывает глаза в лабиринте чужого разума, он навсегда стирает собственную личность. Внешне он останется прежним, но превратится в идеальную, послушную марионетку — кроткую, исполнительную и тихую. Лишенный собственных мыслей и желаний, такой субъект будет беспрекословно угождать любому хозяину. Настоящий, безупречный живой манекен. Именно поэтому ведомства держали эту угрозу в строжайшем секрете — чтобы уберечь общество от тех, кто не прочь обзавестись послушными слугами.

— Вы ведь как-то связаны с ментальной терапией, верно? — Лин Су внимательно следил за её мимикой. — Частная клиника? Психологическая консультация? Или, может, центр коррекции поведения подростков? Ага, угадал... И работаете вы явно не в одиночку. Сколько вас в этой шарашке? Молчите? Ну и ладно. Пятеро? Десятеро? Нет, поменьше. Восемь? Вот теперь попал в точку.

Серебристый ланцет бешено завертелся вокруг его пальцев, сливаясь в искрящееся кольцо.

— Схема старая: выудить из памяти нужные декорации, сострять закольцованный кошмар для подавления когнитивных функций, притвориться близким человеком и заставить жертву очнуться в чужом сне... Что ж, пазл сложился. Можете сворачивать лавочку и снимать эту сферу снов. Переправьте нас по настоящему адресу: Улица Западная Кант, Шелли-роуд, 157. Мне не терпится побеседовать с опекунами нашего клиента.

Лицо женщины сделалось землисто-серым. Не сводя глаз с Лин Су, она выдавила осипшим голосом:

— Я не понимаю, о чем вы...

Она попыталась было продолжить отпираться, но её жалкий лепет потонул в истошном, полном ужаса визге.

Чжуан Де, преспокойно шлепая домашними тапочками, выбрался из соседней комнаты. В руках у него басовито рокотал запущенный мотор бензопилы. По мере того как рост юноши возвращался к исходному, грозное оружие тоже претерпело метаморфозу — мультяшный детский пластик сменился настоящей, пронзительно визжащей сталью.

— Ты что творишь?! — сорвалась на ультразвук женщина, пятясь назад. — Это частная сфера снов! Нападение на человека карается законом!

Лин Су, у которого бесцеремонно увели эффектную реплику, слегка кашлянул и негромко позвал напарника:

— Сяо Чжуан?

— Да мы и сами можем вышвырнуть её отсюда, нужно просто заставить её проснуться, — невозмутимо отозвался Чжуан Де. — Якорем, связывающим её с реальностью, служит та самая прядь волос, которую она постоянно теребит.

Вообще-то, юноша подметил этот нюанс еще на пороге. Кокетливо выпущенные у висков локоны создавали образ мягкой, заботливой матери семейства. Вот только во время готовки подобные изыски лишь мешают, да и в целом такая небрежность никак не вязалась с маниакальным, почти болезненным стремлением к чистоте, которое сквозило в убранстве комнат и скромном облике хозяйки на семейном фото.

Игра фальшивой матери была практически безупречной, но именно эта крохотная деталь выбивалась из общей картины. А значит, у этого несоответствия обязана была быть веская причина.

— Безумцы! — в ужасе закричала женщина, бледнея пуще прежнего. — Я назову вам свое имя! Всё скажу!

Поняв наконец, с кем имеет дело, она испуганно попятилась, дрожа всем телом:

— Вы ведь из надзорных ведомств, да? Я знаю изнанку этого бизнеса! Я помогу вам во всем разобраться, дам показания против руководства...

— Избавьте нас от откровений, — усмехнулся Лин Су. — Кокон уже зафиксировал ваш сонный отпечаток. Даже если вы решите набрать в рот воды, мы без труда вычислим всю вашу контору.

Подобно папиллярным узорам на пальцах, сонный отпечаток каждого человека уникален.

Любое вторжение в область бессознательного оставляет глубокий, несмываемый след, который невозможно утаить.

Переступив порог этой квартиры, Лин Су тут же связался с Сун Хуаймином по закрытому каналу. Весь этот затянувшийся спектакль разыгрывался ради одной цели: дать Кокону время считать и идентифицировать чужую ментальную подпись. И буквально секунду назад от кураторов пришло долгожданное подтверждение.

— Когда откроете глаза в реальности, будьте добры, сразу идите к выходу, — посоветовал Лин Су. Он убрал скальпель и бросил беглый взгляд на часы: — Спецгруппа захвата как раз сейчас должна звонить в вашу дверь.

Чжуан Де вопросительно глянул на напарника. Получив в ответ одобряющий кивок, он покрепче перехватил ревущий инструмент.

Благодаря многочисленным тренировкам его движения достигли абсолютной точности. Проведя режущей кромкой в паре миллиметров от помертвевшей щеки испуганной женщины, он одним выверенным движением перерубил ту самую аккуратную прядь у её лба.

<http://bllate.org/book/18397/1798701>